

— Тьфу! К чёрту ваших плохих элементов! В семье Лян мы всегда отвечаем за свои поступки. Мы действуем ради народа, партии и государства! Какие тут могут быть сообщники? Говорите о сообщниках, а сами, может, сейчас спектакль разыгрываете! Наняли кого-то, чтобы тот шнырял по нашему дому и воровал, а теперь, возможно, ещё и подбрасываете улики, чтобы нас оклеветать! Вот кто настоящие плохие элементы! Вы — черви, подрывающие основы социализма! — кричала Лян Тин, и голос её срывался от крика.

Она понимала, что их семье, похоже, пришёл конец. Ополченцы коммуны имели право арестовывать людей, устраивать шествия и публичные осуждения. Как только кого-то арестовывали и выставляли на всеобщее порицание, клеймо плохого элемента уже не смыть. Наск ужасны были эти шествия и суды? Многие не выдерживали этого, люди с сильным духом кончали жизнь самоубийством, разбиваясь о стены, а те, кто был слабее, жили в полусознательном состоянии, похожие на тени.

— Червяки! Мы, члены коммуны, в поте лица работаем на земле, растим хлеб, чтобы кормить таких, как вы, кто только и умеет, что сводить личные счёты! Я не смирюсь! Я пойду жаловаться начальнику поселка, в народный конгресс, напишу письмо самому Председателю! — обе девушки кричали в истерике, и в их голосах слышалось безумие.

Сначала их похитили террористы, потом они столкнулись с Цюй Хэ и его шайкой хулиганов, заставив семью переживать и испортив их репутацию. Если из-за этого всю семью арестуют и подвергнут публичному осуждению, они сами себе этого не простят.

Дядя Цюй Хэ привёл с собой немало людей из других бригад, создавая внушительную толпу. Многие собрались вокруг, привлечённые шумом. Увидев, как Лян Сысы и Лян Тин рыдают и кричат, женщина из толпы закричала:

— Сысы, Тин, не надо, не надо! Ваш дедушка, папа и мама уже идут. Глава бригады уже спешит сюда. Не бойтесь, вы — девушки из хорошей семьи, не дайте ему сбить вас с толку. Жители нашей деревни Лянли всё понимают. Ваш дедушка — большой герой, спасший нашу семью. Если они посмеют мстить, мы не позволим этому случиться! Бегите скорее на передний двор к вашей бабушке! Не тратьте силы на этих слепцов!

Эта женщина кричала как для Лян Сысы и Лян Тин, так и для окружающих, предупреждая людей дяди Цюй Хэ и напоминая жителям о заслугах семьи Лян. Когда-то, во время нашествия японцев, их деревню чуть не уничтожили, но дедушка Лян проявил смекалку и смелость, вызвав партизан, которые помогли спасти большую часть жителей. Из-за этого в деревне осталось мало мужчин трудоспособного возраста. Из четырёхсот жителей половина — дети.

Лян Сысы и Лян Тин вытерли слёзы, поблагодарили женщину и, всхлипывая, направились в передний двор.

— Отпустите! Вонючие клопы! Мусор! Рак общества! — В эти дни в бригаде были дела, мужчины ушли на собрание, дома остались только бабушка Лян, третья тётя Лян и несколько детей. Бабушка Лян и третья тётя Лян стояли во дворе, противостояя людям, и, услышав шум сзади, почувствовали тревогу. Едва они успели забеспокоиться, как увидели, как большой мужчина несёт на плече Лян Цзию. Лян Цзию отчаянно бил его руками, дрыгал ногами и кричал без умолку.

Лян Сысы и Лян Тин, добежав до переднего двора, увидели, что Лян Цзию уже схватили, и стали молиться, чтобы Лян Цзивэнь смог сбежать. Сейчас важно было спасти хотя бы одного!

— Цуй Дапао, ты последние остатки стыда потерял! — Глава бригады и старшие члены семьи

Лян подошли к месту событий. Увидев отчаянно сопротивляющегося Лян Цзию и четырёх женщин с покрасневшими от слёз глазами, они дрожали от гнева.

— Старый начальник, дело не в стыде. Поступил сигнал, что семья Лян занимается капитализмом. Я, как командир батальона ополчения нашей коммуны, обязан действовать по закону, — Цуй Дапао, он же дядя Цюй Хэ, скорбно изобразил на лице сожаление.

— Тьфу! — дедушка Лян, переполненный гневом, без зазрения совести плюнул прямо в лицо Цуй Дапао.

Цуй Дапао, получив плевок в лицо, с трудом подавил ярость. В душе он поклялся, что этот старый придурок поплатится, но на лице выдавил улыбку:

— Старик Лян, я и сам не хотел такого. Наши семьи только что поссорились, и, конечно, все подумают, что это я подстроил. Но я готов умереть, служа народу. Даже если меня не поймут и не одобряют, я всё равно сделаю то, что во благо людей, чего бы мне это ни стоило!

Он махнул рукой и крикнул:

— Первый и второй отряды, идите внутрь и обыскивайте! Третий отряд, ловите сообщников! Четвёртый отряд, окружите дом Лян, не выпускайте даже курицы!

По команде Цуй Дапао отец Цюй Хэ, Цюй Чжицян, тут же ринулся в бой. Как голодный волк, он оттолкнул Лян Сысы и бросился внутрь.

Лян Сысы от толчка пошатнулась и была готова упасть. Лян Тин находилась ближе всех, она бросилась её подхватить, но Цюй Чжицян, раздражённый, что она мешает, наугад пнул её ногой.

— У-у... — Для Цюй Чжицяна это был случайный пинок, но он пришёлся Лян Тин прямо в живот. Ей стало так плохо, что она упала на землю и её начало тошнить.

Третья тётя Лян перепугалась, бросилась к Лян Тин, обняла её и закричала:

— Тин, девочка моя, Тин, не пугай тётю!

Мужчины семьи Лян, стоявшие снаружи, налились кровью от гнева и готовы были броситься в атаку. Старший дядя Лян, как секретарь партячейки, первым смог взять себя в руки и крикнул со двора:

— Цюй Чжицян, если с моей дочерью что-то случится, я вырежу из тебя куски мяса один за другим!

Папа Лян, не будучи ни секретарём, ни трусом, вместе с третьим дядей Лян бросился вперёд, расталкивая людей, приведённых Цуй Дапао, чтобы добраться до него. Сцена мгновенно превратилась в хаос.

У Цуй Дапао, кроме Цюй Чжицяна, никто не сдвинулся с места — перед домом Лян собрались не только они, но и многие соседи, которые сами окружили их. Кто-то уже сообщил в деревню, и основная сила жителей спешила сюда.

Цуй Дапао никогда не учился в школе, не умел читать, кроме как драться, он ничего не умел. Как он получил свою должность? Дракой! Вскоре после освобождения он был самым активным,

грабил богачей, нападавал на крупных землевладельцев, ничего не боялся. Именно благодаря своей бесшабашности он стал командиром ополчения. За столько лет он так и не научился читать, но понял одну вещь — ничего не объясняй, просто бей! Кто посмеет не подчиниться, если его запугать?

— Вперёд! — заорал он. — Кто посмеет помочь семье Лян Чжихуа, тот — сообщник, плохой элемент! — Он назвал имя бабушки Лян, давая понять, что это война не на жизнь, а на смерть.

Люди, стоявшие вокруг, уже готовы было засучить рукава и вступить в драку, но, услышав это, большинство струсило. Все боялись, что на них навесят ярлык плохого элемента. Если ты плохой элемент, твою семью убьют, и никто не вступится за тебя.

Люди, получившие задания, кинулись в дом разом. Цуй Дапао так сказал, и если они не справятся, их тоже будут ругать.

Мужчины семьи Лян снаружи пытались прорвать кольцо четвёртого отряда. Внутри дома Лян Сысы вцепилась в ногу Цюй Чжицяна и не отпускала. Лян Тин и третья тётя Лян, несмотря на толчею, отчаянно колотили Цюй Чжицяна. Третья тётя Лян, мягкая всю жизнь, теперь, собрав всю свою силу, схватила Цюй Чжицяна за короткие волосы и царапала ему лицо ногтями, чуть не выколов ему глаз. Лян Цзию тоже не отставал, вцепившись зубами в того, кто его нёс, до крови. Цюй Чжицян был окружён тремя женщинами, а бабушка Лян, схватив топор, начала размахивать им налево и направо.

Она размахивала топором, не обращая внимания, сколько людей перед ней. У неё в голове была только одна мысль — их семья на грани гибели, так о чём тут сейчас думать? Если удастся утянуть кого-то с собой на тот свет — хорошо, а в худшем случае они свалят с ног самих Цуй Дапао и Цюй Чжицяна. Мужчины семьи Лян думали так же. Старший дядя Лян шёл впереди, бабушка Лян был защищён папой Лян и третьим дядей Лян. Отец и три сына пробивались к Цуй Дапао, сражаясь с каждым на своём пути.

Глава бригады снаружи метался как угорелый. Он не мог вмешаться напрямую, поэтому организовал всех в кольцо. Он уже решил: даже если Цуй Дапао непременно заберёт людей, они будут преграждать путь. Они просто стоят здесь, и Цуй Дапао до этого нет дела, а если он посмеет арестовать их за это, то пусть попробует!

<http://bllate.org/book/16557/1510839>